Рождённые чужой ложью

Irena Merano

16+

Irena Irena Merano

Рождённые чужой ложью

«Автор»
2026

Irena Merano I.

Рождённые чужой ложью / I. Irena Merano — «Автор», 2026

У моего мужа был ключ от детства, которого у нашего ребёнка никогда не было.Я увидела его в день развода.Ливио сказал, что никогда не обещал мне дочь, — и за стеной нотариальной конторы открылась улица. По ней бежала босая девочка. Восемь лет. Имя, которое мы выбирали вдвоём.Она узнала моего мужа.А он попытался запереть проход.Теперь я вхожу в дома, которым нет места в нашем мире. Здесь у отнятых жизней остались детские кровати, недопитый чай и люди, всё ещё ожидающие спасения. Здесь достаточно отказаться от обещания, чтобы под чьими-то ногами исчез пол.Этторе умеет возвращать тех, кого забрали эти дома. Я хочу верить его рукам, когда они удерживают меня над пустотой. Хочу остаться в них, когда опасность проходит.Но он знает, что случилось со мной раньше, чем я встретила собственного мужа.А за стеной кто-то хранит мой голос.И произносит им слова, которых я не помню.

© Irena Merano I., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Стена, за которой жили 6
Глава 2. Второе окно 12
Глава 3. Голоса за дверью 22
Конец ознакомительного фрагмента. 35

Рождённые чужой ложью

Рождённые чужой ложью
Irena Merano

Глава 1. Стена, за которой жили

Я хотела, чтобы из моей жизни исчез только Ливио.

Вместо него исчезла стена.

Произошло это в нотариальной конторе, в четыре часа семнадцать минут, когда мой муж — к тому времени уже почти бывший — посмотрел на пункт о детях в нашем соглашении и сказал:

— У нас их никогда не было. И я никогда не обещал Фьоренце ребёнка.

Госпожа Моретти замерла с ручкой над бумагами. Я посмотрела на Ливио. За восемь лет брака я научилась отличать три его улыбки: ласковую, светскую и ту, которой он прикрывал окончательно принятое решение. Сейчас на лице была третья.

— Ты сам придумал ей имя, — произнесла я.

— Воображаемому ребёнку можно придумать что угодно.

С правой стороны кабинета раздался звук, похожий на треск льда под ногой.

Я обернулась.

Дубовый шкаф с нотариальными архивами медленно отъезжал от стены. Не скользил по полу — между ним и паркетом оставалось несколько сантиметров. Вслед за шкафом отступили обои, известковая штукатурка и кирпичи. Угол комнаты вытянулся, словно кто-то тянул его невидимыми пальцами.

За ним открылась улица.

Узкая, мощённая тёмным камнем. Вдоль неё теснились дома с маленькими окнами; где-то наверху на верёвке сушились детские чулки. Из пекарни пахло корицей и тёплым хлебом. Над крышами висело небо странного, почти металлического оттенка — хотя за окнами нотариальной конторы шёл обычный ноябрьский дождь.

Я не закричала. Первая мысль была до смешного практичной: мы находимся на третьем этаже, и никакая улица не может начинаться за шкафом.

Госпожа Моретти медленно встала. Её ручка упала на бумаги.

— Это ремонт? — спросила она тонким голосом.

Тогда с той стороны по камням пробежала девочка.

Ей было лет восемь. Тёмные волосы выбились из косы, красное пальто болталось незастёгнутым. Она спешила, оглядываясь, прижимала к груди маленький свёрток. На углу остановилась, увидела нас — и резко побледнела.

Ливио выругался.

До этого мгновения я ещё могла думать, что схожу с ума. Но муж смотрел на девочку так, как смотрят на пожар в собственном доме: не веря, что он уже начался, и слишком хорошо понимая, что именно сейчас сгорит.

— Отойдите от прохода, — сказал он.

— Ты знаешь, что это?

Он не ответил.

Девочка перебежала с мостовой к порогу, отделявшему невозможную улицу от нашего кабинета. Её ноги были босыми. Между пальцами застряли крошечные белые камешки.

— Ливио, — выговорила я. — Кто она?

Девочка услышала имя Ливио. Она отшатнулась и загородила ладонью свёрток.

— Не закрывай, — попросила она Ливио. — Только не сейчас.

Ливио быстро шагнул к шкафу. Я заметила, что у него в руке оказался ключ — тяжёлый, с квадратной головкой, непохожий ни на один из наших домашних ключей.

— Фьоренца, закрой глаза, — приказал он.

Может быть, раньше я бы подчинилась. Восемь лет я много чему подчинялась, называя это миром в семье.

Но в этот день наша семья закончилась.

Я шагнула между ним и девочкой.

— Нет.

Невозможная улица отозвалась негромким гулом. У ближайшего дома вдруг открылось окно. На подоконник легли чьи-то ладони — взрослые, очень бледные. Человека за ними я не увидела.

— Вы не понимаете, что делаете, — прошептал Ливио.

— Тогда объясни.

В этот миг девочка посмотрела прямо на меня.

Её лицо было незнакомым. Ни моих глаз, ни ямочки на подбородке Ливио. Худое, бледное, с царапиной у виска. И всё-таки от её взгляда во мне что-то болезненно сжалось, словно я опоздала на встречу, к которой готовилась всю жизнь.

— Ты Фьоренца? — спросила она.

Я кивнула.

Девочка вдохнула, собираясь с духом.

— Меня зовут Виэлла. Мне сказали, ты умеешь открывать двери.

— Кто тебе сказал?

— Та, которая меня растила.

Не «мама». Не «папа». Не «я тебя помню».

Та, которая меня растила.

В этом ответе было больше боли, чем в любом обвинении, которое я успела придумать для Ливио.

За спиной девочки на мощёной улице вдруг потемнели окна. Не погас свет. Стёкла стали непрозрачными, будто изнутри их прижали чёрной тканью. Дверь пекарни распахнулась, выпустив запах сырой земли.

И тогда появился мужчина.

Он вышел из бокового переулка быстрым, неровным шагом. Высокий, в расстёгнутом тёмном пальто; под воротником рубашки виднелась полоска крови. Он держал ладонь на шее, как будто едва успел остановить кровотечение. Издали его лицо казалось спокойным. Но когда он приблизился, я увидела усталость и ярость, которые он сдерживал одним усилием воли.

— Виэлла! — позвал он.

Девочка бросилась к нему. Он присел и проверил её руки, плечи, лицо — бережно и быстро, как проверяют ребёнка после опасного падения.

Затем посмотрел на Ливио.

— Вы сделали это здесь? При свидетелях?

— Другое место было закрыто, — ответил муж.

— Вы обещали мне дождаться.

— Я никому больше ничего не обещаю.

По лицу незнакомца прошла такая перемена, что мне стало страшнее, чем от улицы за шкафом.

— Больше так не говорите, — произнёс он очень тихо.

Госпожа Моретти застонала.

Её письменный стол укоротился на треть. Не сломался — часть древесины бесшумно исчезла, вместе с лежавшими на ней печатью и стаканом воды. За освободившимся краем стола показались мокрые булыжники, словно улица сделала ещё один шаг в комнату.

Нотариус отскочила. Споткнулась о кресло. Я удержала её за локоть.

— Вы видите это? — спросила я, хотя вопрос был бессмысленным.

— Я вижу, как пропадает мой кабинет!

Незнакомец выпрямился.

— Всё, что вышло изнутри, забирает себе место снаружи. Пространства не хватает на оба дома. — Он говорил быстро, глядя не на меня, а на пол, где паркет уже расходился узкими полосами. — Госпожа Моретти, выйдите в коридор и спускайтесь по лестнице. Не открывайте чужих дверей, даже если услышите знакомый голос.

Она бросилась к выходу.

— Кто вы? — спросила я.

— Сейчас это не поможет.

— А если я не собираюсь выполнять указания незнакомого человека?

Он повернул ко мне лицо. Глаза у него были серо-зелёные, почти бесцветные в тусклом свете. При другой встрече я, наверное, заметила бы, насколько он красив. Здесь красота казалась оскорбительно неуместной.

— Тогда хотя бы отойдите от провала, Фьоренца Серранти.

Моё имя прозвучало у него так, будто он давно привык его произносить. Я ощутила неприятный холод между лопатками.

— Откуда вы меня знаете?

— Потому что она пришла к вам.

Мужчина показал на Виэллу.

Девочка зажала губы. Она смотрела не на меня, а на дом за своим плечом. Там, за одним из чёрных окон, кто-то медленно водил пальцем по стеклу изнутри. Никакого лица за рукой не появлялось.

— Адрина ещё там, — сказала Виэлла. — Я не выйду без неё.

Незнакомец на секунду прикрыл глаза.

— Мы вернёмся за ней.

— Ты это говорил вчера.

Он ничего не ответил.

Меня поразило не то, что мужчина знал девочку. Меня поразило, как она с ним говорила: с обидой ребёнка, которого уже не раз обманули обещанием.

Ливио поднял квадратный ключ. По его граням пробежали белые блики.

— Если проход не закрыть сейчас, — сказал он, — вы понимаете, сколько людей исчезнет здесь вместе с домами?

— А по ту сторону тоже живут люди, — резко ответил незнакомец. — Не ваши черновики.

Мне показалось, что кто-то ударил меня под дых.

— Значит, она жила там всё это время? — спросила я.

Виэлла упрямо подняла голову.

— Восемь лет. Я умею считать. И читать тоже.

Невыносимо обычная детская гордость в этой невозможной комнате едва не заставила меня заплакать.

— Ты видела меня раньше?

— На рисунке. У нас был твой портрет. Я думала, ты выше.

Виэлла сказала это почти извиняющимся тоном.

Я не знала, что страшнее: её существование или то, что у неё уже было детство без меня. Собственное, настоящее, прожитое где-то в стенах города.

За нами хлопнула входная дверь. Госпожа Моретти убежала.

Мужчина взял Виэллу за руку.

— Идём.

Он попытался провести её к обычному коридору, но девочка вырвалась.

— Адрина!

Внутри невозможной улицы открылась дверь дома напротив. На пороге появилась женщина в длинной серой юбке. Она была далеко; я не могла рассмотреть лицо, лишь тёмный узел волос и руку, прижатую к косяку.

— Виэлла, не возвращайся! — крикнула она.

Улица содрогнулась.

Я видела, как камни мостовой по очереди уходят под землю. Не оседают — пропадают, открывая под собой чернильно-чёрную пустоту. Женщина попыталась сойти с порога, но ступенька оторвалась от её дома и поплыла к нам, будто кусок льда в воде.

— Этторе! — вскрикнула Виэлла.

Так я узнала имя незнакомца.

Он уже двигался, не дожидаясь просьбы. Перешагнул трещину, ухватился рукой за край чужой стены. Слышно было, как под его пальцами скрипит камень.

Я не понимала, удерживает ли он её или не даёт женщине перейти. Только видела: рука у него дрожит, а кровь на воротнике рубашки становится темнее.

Ливио шагнул вперёд.

— Не впускайте её!

Впервые за все годы его голос прозвучал не властно, а почти умоляюще.

Я повернулась к нему.

— Почему?

Он смотрел на женщину на пороге.

И я поняла, что он её узнал.

Не так, как узнают опасного незнакомца. Так смотрят на человека, которого хоронили в себе много лет и всё ещё надеялись однажды увидеть.

Это было хуже любого признания в измене.

— Ливио, кто она?

Он опустил ключ.

За долю секунды до того, как исчезла очередная полоса паркета, он произнёс:

— Фьоренца, прости меня. Только сейчас не заставляй меня говорить правду.

Вся комната дёрнулась.

Я потеряла равновесие. Под каблуком не стало пола. Меня потянуло в чёрную щель между двумя домами, где не было ни дна, ни звука, только холодный ветер, пахнущий мокрой известью.

Чья-то рука обхватила меня за талию.

Этторе.

Он успел отпустить край чужой стены и рванул меня на себя так резко, что мы ударились о шкаф. Его грудь прижалась к моей спине, ладонь всё ещё держала меня чуть выше бедра. Сквозь ткань платья я чувствовала жар его пальцев и бешеный стук сердца. Не успела даже понять, когда он оказался рядом.

— Не двигайтесь, — сказал он у самого моего уха.

Я не двигалась. Я едва дышала.

Не от близости — или не только от неё. В щели под нашими ногами проступили окна. Одно, второе, третье. Кто-то внутри этих окон открывал шторы. По ту сторону темноты начинался ещё один дом, стоящий там, где наш мир не оставлял для него места.

Этторе отпустил меня сразу, как только появилась возможность отступить. Но его взгляд задержался на моём лице.

— Вы можете стоять?

— Да.

— Вы лжёте.

— Совершенно верно.

Он коротко, неожиданно улыбнулся — не весело, скорее с облегчением, что я ещё способна спорить.

Виэлла заплакала.

Не громко. Она смотрела на женщину в серой юбке, которая теперь стояла на самом краю исчезающего порога. Между ними оставалось несколько метров и невозможная пропасть.

— Это моя мама, — сказала девочка.

Слова ударили по мне сильнее, чем исчезнувший пол.

Моя мама.

Я ждала их восемь лет. Представляла сотни раз. Уговаривала себя забыть. И теперь услышала их от девочки, чьё имя мы когда-то выбрали с Ливио, — но обращёнными к другой женщине.

Может быть, в тот миг я должна была возненавидеть незнакомку.

Вместо этого увидела, как женщина, рискуя сорваться в пустоту, протягивает Виэлле руки.

Она любила её. В этом не оставалось сомнений.

— Помогите ей, — попросила я Этторе.

— Проход уже рушится.

— Вы же только что удержали меня.

— Вас я успел поймать у самого края. До Адрины отсюда не дотянуться.

— Значит, попробуем ещё раз.

Он посмотрел на меня с раздражением, за которым мелькнуло что-то похожее на уважение.

— Вы всегда принимаете решения прежде, чем узнаете цену?

— Нет. Последние восемь лет я ждала, когда решение примут за меня. Хватит.

Я схватила тяжёлую конторскую скамью и потащила к пролому. Дерево заскрипело. Этторе успел подхватить другой конец, прежде чем ножки упёрлись в пустоту.

— Это не мост, — сказал он.

— Тогда скажите, что может им стать.

Он замер. В его лице появилась опасная сосредоточенность.

— Не вещи. Связь между людьми. Здесь она прочнее камня.

— Что это значит?

— Виэлла, — позвал он, — посмотри на Адрину. Только на неё. Вспомни, что ты ей обещала сегодня утром.

— Я боюсь, — прошептала девочка.

— Знаю. Смотри на неё.

Виэлла протянула руку. Из-под её пальцев на миг проступила тонкая полоса света — не золотая и не серебряная, а похожая на свет из окна, когда дома ждут к ужину. Полоса протянулась через провал к порогу. Я услышала далёкий звон посуды, чьё-то спокойное «иди мыть руки».

Это была не волшебная демонстрация, а память об обыкновенном дне. И всё-таки от неё камень под ногами женщины перестал осыпаться.

Адрина осторожно поставила ногу на световую полосу. Та дрогнула, но выдержала.

Она сделала шаг. Ещё один.

Виэлла не вытерпела и бросилась навстречу. Прежде чем кто-либо успел её остановить, девочка ступила на свет, раскинув руки для равновесия.

— Виэлла, стой! — крикнул Этторе.

Адрина перехватила её почти на середине моста. На мгновение они обнялись среди пустоты, а далеко внизу зажигались окна домов, которым неоткуда было взяться за стеной кабинета на третьем этаже.

Потом Адрина посмотрела на меня.

Я узнала её имя всего несколько минут назад, но вдруг поняла: она собирается отправить девочку к нам, а сама остаться. На её лице не было спокойствия человека, принявшего правильное решение. Только страх.

За её спиной треснула кладка. Световая полоса под ногами начала тускнеть.

Адрина взяла Виэллу за плечи, развернула к нашему краю и наклонилась к её уху. Я не расслышала слов. Девочка мотнула головой.

Тогда женщина подтолкнула её вперёд.

— Беги, маленькая! И не обещай, что вернёшься!

Виэлла закричала, но побежала. Этторе поймал её у края провала, а Адрина попятилась по угасающему свету к своему дому. На пороге она обернулась ещё раз.

Проход захлопнулся.

Не с грохотом. С тихим, почти вежливым щелчком замка.

Шкаф снова стоял у стены нотариальной конторы. Стол был целым, за исключением пропавшего угла. На полу лежал чужой синий карандаш, заточенный с обоих концов. Запах корицы ещё держался в воздухе.

Я опустилась на колени рядом с Виэллой.

— Мы её найдём, — сказала я, не подумав.

Девочка подняла мокрое лицо.

— Не надо, — выговорила она.

— Почему?

— Потому что ты уже сказала это вслух.

В кабинете стало очень тихо.

Этторе посмотрел на меня так, будто я только что открыла ещё одну дверь.

Ливио закрыл глаза.

И где-то далеко в стенах дома ответили три удара.

Виэлла прижалась ко мне не как к матери — как к единственному человеку, который ещё не понял, какую опасность навлёк на всех.

— Фьоренца, — прошептала она. — Ты живёшь на четвёртом этаже? В комнате с одним окном?

— Да.

— Сегодня ночью их станет два.

— Что будет за вторым?

Девочка не ответила. Она смотрела на Ливио.

А тот впервые за весь день не решился солгать.

Глава 2. Второе окно

Виэлла так и не ответила, что будет за вторым окном.

Вместо неё заговорил Ливио:

— Фьоренца, отдай мне ключи от квартиры.

Я посмотрела на его протянутую ладонь. Ещё час назад мы подписывали бумаги о разводе. Теперь между нами стояла девочка, не похожая ни на одного из нас, а за спиной мужа совершенно обычный дубовый шкаф скрывал улицу, которой не полагалось существовать.

— Зачем?

— Это наш дом. Я должен убедиться, что там безопасно.

— Ты восемь лет убеждал меня, что у нас будет ребёнок. Сегодня сказал, что никогда этого не обещал. Не начинай разговор о безопасности с очередной лжи.

Ливио убрал руку. На его лице снова появилась третья улыбка — та, которой он обычно заканчивал споры.

— Ты не знаешь, что произойдёт, если она останется с тобой.

— Тогда расскажи.

— При ней — не могу.

Виэлла медленно отступила ко мне. Я почувствовала, как маленькие холодные пальцы коснулись моей ладони. Она не взяла меня за руку. Только проверила, не оттолкну ли я её.

Этторе стоял у шкафа и смотрел на квадратный ключ в руке Ливио.

— Уберите его, — сказал он.

— Вы мне не приказываете, Ровенци.

— Нет. Я предупреждаю: ещё один поворот, и вы соедините это здание с улицей надолго. Люди начнут пропадать из соседних кабинетов. Хотите проверить, что исчезнет первым — стены или жильцы?

Ливио спрятал ключ во внутренний карман.

Я заметила, что Этторе едва держится на ногах. Кровь под воротником его рубашки уже подсохла, но при каждом повороте головы он морщился.

— Кто вас ранил? — спросила я.

— В другой раз.

— Прекрасно. У всех сегодня день уклончивых ответов.

— Приму это как замечание, — отозвался он.

За дверью послышались шаги и возмущённый голос госпожи Моретти. Она говорила с кем-то по телефону о провалившемся полу, требовала прислать пожарных и громко повторяла свой адрес. Я с облегчением поняла, что не одна видела невозможную улицу. По крайней мере, никто не сможет убедить меня, будто я просто пережила нервный срыв.

Этторе подошёл к выходу.

— Идёмте. У вас меньше времени, чем кажется.

— Для чего?

— Чтобы встретить второе окно с этой стороны.

Он произнёс это так, словно второе окно само выбирало время своего появления.

Я наклонилась за сумкой. Возле уцелевшей ножки стола лежал синий карандаш, заточенный с обоих концов. Сначала я решила оставить его здесь — чужую вещь из чужого мира. Потом заметила, что на синем лаке вырезаны два крошечных слова. Первое я разобрала сразу: «дом». Второе было стёрто почти до дерева.

Я убрала карандаш в карман пальто.

— Вы так и не объяснили, кто вы, — сказала я Этторе.

— Человек, который ещё умеет отличать дверь от ловушки.

— Тогда начните с этого.

Он открыл перед нами дверь кабинета, но прежде посмотрел на Виэллу.

— Ты можешь идти?

Девочка кивнула, хотя у неё дрожали ноги.

— А Адрина? — спросила она.

Этторе не сразу ответил.

— Она жива. Пока у нас есть связь с её домом, мы можем попытаться помочь.

— Только не говори, что вернёшь её, — попросила Виэлла.

На этот раз он послушался.

* * *

На улице шёл мелкий холодный дождь. Старый город жил своей обычной жизнью: трамвай звякнул на повороте, девушка в красном берете спорила по телефону, в кондитерской за стеклом витрины продавщица расставляла пирожные. Прохожие не оглядывались на здание нотариальной конторы. Только у входа уже остановилась служебная машина, и двое мужчин в тёмных куртках торопливо заходили внутрь.

Мне захотелось остановить их и показать пропавший угол стола. Доказать, что за шкафом действительно была улица. Но Виэлла стояла рядом, босая на мокрых плитах тротуара, и изо всех сил старалась не стучать зубами.

В ту минуту мне стало ясно, что важнее: искать объяснения или согреть замёрзшего ребёнка.

Я сняла свой шарф и обмотала девочке шею.

— Сначала найдём тебе обувь.

— У Адрины есть мои ботинки, — сказала она. — Я оставила их у двери, чтобы не шуметь.

— Купим другие.

— А если старые обидятся?

Я подняла на неё глаза. Девочка говорила серьёзно, без улыбки.

— Вещи в вашем городе умеют обижаться?

— Не все. Только те, которые ждут, когда за ними вернутся.

Этторе посмотрел на неё слишком быстро.

— Виэлла. Это другое.

— Я знаю, — сказала она и вдруг перестала дрожать.

Мы зашли в небольшой магазин на углу. Я купила тёплые носки и коричневые ботинки на толстой подошве. Виэлла долго выбирала между двумя парами, всё время возвращаясь к самым простым. Когда продавщица спросила, нравится ли ей покупка, девочка молча кивнула, а потом тихо спросила меня:

— За них правда не надо ничего обещать?

— Нет. Я уже заплатила.

Она с такой осторожностью провела рукой по новому шнурку, словно от этой пары обуви зависела её жизнь.

В соседней лавке я купила хлеб, сыр и бутылку воды. Виэлла откусила кусочек прямо на улице. Настоящий ребёнок, подумала я. Она была голодна, замёрзла и боялась потерять женщину, которая её вырастила. Если всё это было создано магией, то магия работала с безжалостной точностью.

Ливио догнал нас у перекрёстка.

— Ты не должна вести её домой, — произнёс он.

— Довольно.

Он остановился так близко, что я почувствовала знакомый запах его дорогого парфюма. Раньше этот запах означал, что он вернулся и можно перестать тревожиться. Сейчас от него стало тошно.

— Фьоренца. Восемь лет назад ты сама попросила меня не говорить о том месте.

— О каком месте?

— Ты тогда не была готова знать правду.

— А сейчас готова?

Ливио взглянул на Виэллу, потом на Этторе.

— Спросите его, сколько людей он оставил за закрытыми дверями.

Этторе не ответил. Только положил ладонь на повреждённую шею, словно слова попали точно в рану.

Виэлла прижалась ко мне. Я обняла её за плечи и впервые ощутила странность происходящего не разумом, а телом: девочка была тёплой, дышала, вздрагивала под тонким пальто. Не призрак. Не видение.

— Не подходи к нам сегодня, — сказала я мужу.

— Она может погубить тебя.

— А ты уже попробовал.

Улыбка наконец покинула его лицо.

Мы пошли дальше. Ливио не последовал за нами. Когда я обернулась на следующем углу, он стоял под дождём и смотрел не на меня, а на окна домов, точно искал среди них какое-то определённое.

* * *

Моя квартира находилась на четвёртом этаже дома с облупленными зелёными ставнями. Она принадлежала мне ещё до свадьбы. Когда Ливио съехал, мне казалось, что комнаты стали огромными и пустыми. Теперь я впервые боялась, что им может не хватить места.

У входной двери нас встретила синьора Лючия с третьего этажа. Она держала в руках коробку с лампочками и ворчала на управляющую компанию: свет в её кухне мигал уже вторую неделю. Заметив Виэллу, женщина замолчала.

— У вас гостья, синьора Серранти?

— Ненадолго, — ответила я.

Виэлла подняла глаза.

Я осеклась. Только что я сама сделала из её жизни что-то временное. Ненадолго. Пока не найдётся место получше. Пока взрослые решат, где ей быть.

— Я имею в виду, — поправилась я, — что сейчас мы поднимемся наверх и согреемся.

Синьора Лючия улыбнулась девочке и принялась рассказывать о непослушных лампочках, как будто не заметила моей неловкости. За это мне хотелось её обнять.

На четвёртом этаже было непривычно тихо. Даже старый лифт, который обычно скрипел при каждом движении, молчал в шахте. Я поднесла ключ к замочной скважине — и обнаружила, что дверь приоткрыта.

Я точно помнила, что запирала её утром.

— Не входите, — сказал Этторе.

Он осмотрел замок, не касаясь металла. Потом осторожно нажал на дверь. Та беззвучно распахнулась.

В прихожей всё стояло на местах: мокрые перчатки на комоде, чашка с недопитым кофе, которую я оставила у зеркала, сумка с черновиками соглашения о разводе, которую я приготовила накануне, но утром так и не взяла. Я подошла к ней. Папка с бумагами лежала сверху, как и утром.

— Кто-то был здесь? — спросила я.

— Ещё нет, — ответил Этторе.

Мне не понравилось это «ещё».

Я включила свет. Он загорелся без задержки.

— И что теперь?

— Проверим комнату с одним окном.

Это была спальня. После ухода Ливио я переставила мебель и покрасила стены в тёплый серый цвет. У окна стояло кресло, в котором я любила читать, а напротив — шкаф. На подоконнике высохла веточка розмарина. Всё было до боли знакомо.

Окно было одно.

Виэлла подошла к стене между креслом и шкафом. Положила ладонь на штукатурку и закрыла глаза.

— Здесь холодно, — произнесла она.

— От стены?

— С другой стороны.

Я коснулась стены рядом. Тёплая. Мы жили над пекарней, трубы отопления проходили совсем близко. Но под ладонью Виэллы появилась тонкая полоска инея. Она вытянулась вверх, образовала прямой угол, затем ещё один. На серой краске проступил прямоугольник размером с обычное окно.

Я ощутила запах свежего хлеба.

Не из нашей пекарни. Тот самый, коричный, с улицы за шкафом.

— Уходите от стены, — сказал Этторе.

— Вы знали, что это произойдёт?

— Знал, где искать.

— Отличное начало для объяснения.

Он посмотрел на меня. В свете настольной лампы его глаза казались зелёными, и это раздражало сильнее, чем следовало. Я не хотела замечать цвет глаз человека, который знал слишком много о моём муже и слишком мало рассказывал мне.

— Вы сказали Виэлле, что найдёте Адрину, — ответил он. — Она вам поверила. В некоторых местах этого достаточно, чтобы появилась дорога.

— Дорога?

— Иногда дверь. Иногда лестница. Иногда окно. Но новая связь должна где-то поместиться.

Я оглянулась на комнату.

— Значит, оно забирает место у меня?

— Не обязательно у вас.

Внизу раздался грохот.

Потом чей-то крик.

Мы бросились к лестнице. Синьора Лючия стояла на площадке третьего этажа, прижимая к груди ту самую коробку с лампочками. Дверь её квартиры была распахнута. За порогом виднелась узкая прихожая и сразу за ней — наружная кирпичная стена.

— Где кухня? — спросила она так тихо, что я едва расслышала. — Я только что была на кухне.

Вчера я пила у неё чай. Помнила круглый стол, клетчатую скатерть, горшок с алоэ. Сейчас, если верить глазам, от комнаты не осталось даже дверного проёма.

— Не входите, — резко сказал Этторе.

Лючия повернулась к нему с лицом человека, которому внезапно перестали подчиняться слова.

— Там мой муж. Он только что пошёл на кухню за солью.

Меня бросило в холод.

— Где он был, когда кухня исчезла?

— У стола. Он плохо ходит. У него трость… Она осталась там.

Я сделала шаг к её двери. Этторе удержал меня за предплечье.

— Сейчас мы не знаем, куда открывается этот проход.

— Там человек!

— Знаю. Дайте мне секунду.

Он присел у порога и осторожно коснулся носком ботинка плитки. Под деревянной планкой блеснула вода. В воде мелькнула крошечная белая рыбка. За кирпичной кладкой слышался шум другого города, далёкий, как прибой.

Лючия зажала рот рукой.

— Антонио! — позвала она.

Где-то за стеной отозвались три удара.

Я узнала их. Те же три удара прозвучали после моего обещания найти Адрину.

— Антонио? — Лючия шагнула вперёд.

— Не отвечайте ударами, — сказал Этторе. — Только голосом.

— Почему?

Он молчал, вслушиваясь.

— Антонио! Если слышишь, скажи моё имя!

В ответ раздался скрежет, словно кто-то протаскивал по камню тяжёлую мебель. Затем очень далеко мужчина выкрикнул:

— Лючия! Не открывай! Я найду выход!

Лючия упала бы, если бы я не успела её подхватить.

Этторе выпрямился.

— Он жив. Слышит нас. Это важно.

— Вы можете его вернуть?

Этторе посмотрел на меня. Я уже знала, что он не любит обещаний.

— Я могу поискать путь, по которому он ушёл.

Я усадила Лючию на ступеньку, помогла ей достать телефон и набрать номер службы спасения. Попросила объяснить, что в доме произошло обрушение и её муж оказался отрезан от выхода. О белой рыбке под дверью я говорить не стала.

Виэлла стояла этажом выше и плакала беззвучно. Мне захотелось забрать у неё все страхи, но я не знала даже, с какого начать.

— Это из-за меня? — спросила она.

— Нет, — ответила я.

Этторе поднял голову.

— Из-за прохода, — уточнил он. — Не из-за Виэллы.

Я поняла, что он отделяет Виэллу от опасности, которую принёс проход. И возненавидела саму необходимость объяснять это ребёнку.

* * *

Мы вернулись в спальню. За время нашего отсутствия прямоугольник на стене стал глубже. Внутри штукатурки появились настоящие оконные откосы, а между ними — тонкая рама, окрашенная в старый жёлтый цвет. Будто кто-то много лет назад замуровал окно, а теперь дом решил вернуть его на место.

Этторе велел Виэлле остаться в гостиной. Девочка отказалась.

— Я знаю, куда оно ведёт.

— Именно поэтому мне нужно, чтобы ты подождала.

— Там Адрина.

Он присел перед ней.

— Ты обещала ей сегодня утром что-то важное. Помнишь?

— Я обещала держать её за руку, если она испугается.

— Ты сдержала слово на мосту. Именно поэтому он продержался достаточно долго.

— А теперь она одна.

Он не стал говорить, что всё будет хорошо.

Я впервые за этот день была благодарна кому-то за честность.

Виэлла села на край кресла, обняв колени, и уткнулась носом в мой шарф. Её ресницы были слипшимися от слёз. Странно: ещё утром я не знала, что она существует. Теперь мне было невыносимо видеть, как она старается не всхлипывать, чтобы не мешать взрослым.

Я принесла ей тёплый чай. Девочка подержала кружку обеими руками.

— У Адрины тоже есть такая, — сказала она, рассматривая синюю птицу, нарисованную на фарфоре.

— Такая же?

— Нет. У неё трещина на ручке. Она говорит, что это не страшно. Главное — чтобы чашку можно было держать.

Я отвернулась к окну, выходившему во двор. Не хотела, чтобы Виэлла видела моё лицо.

Этторе тем временем проверял раму. На его тёмном пальто оседали капли конденсата, хотя в комнате было тепло. Он провёл ладонью вдоль подоконника и поморщился.

— Вам нужна повязка, — сказала я.

— Сейчас не время.

— Вы едва стоите. Это тоже надо учитывать, если собираетесь спасать людей.

Он возражать не стал.

Я достала аптечку. На кухне, при белом свете над раковиной, рана выглядела хуже: неглубокий, но длинный порез у основания шеи, рядом — тёмный след старого ожога. Я промыла повреждённую кожу и осторожно приложила стерильную салфетку. Этторе держался неподвижно, только один раз резко вдохнул, когда я коснулась самого края пореза. Под моими пальцами бился его пульс — быстрый, упрямый, совсем не такой спокойный, каким он старался казаться. Я поймала себя на желании задержать ладонь ещё на мгновение и разозлилась на себя за это.

— Кто это сделал? — повторила я.

Он посмотрел не на меня, а на своё отражение в тёмном стекле кухонного окна.

— Человек, которого я пытался вывести из города.

— Он не хотел уходить?

— Хотел. Но не один.

Я закрепила повязку. Всё происходило до нелепого обыденно: влажная салфетка, антисептик, чужое дыхание в нескольких сантиметрах от моего лица. И всё же, когда я подняла глаза, мне на мгновение стало трудно вспомнить, какой вопрос собиралась задать.

Этторе тоже это заметил. Он медленно отступил, оставив между нами расстояние, которое почему-то оказалось труднее переносить, чем близость.

— Не путайте благодарность с доверием, — сказал он.

Я рассмеялась без веселья.

— Вы опасаетесь, что я внезапно начну вам доверять?

— Я опасаюсь, что вам придётся сделать это до того, как у вас появятся причины.

Мне хотелось ненавидеть его самоуверенность. Вместо этого я неожиданно поняла: он боится чего-то не меньше моего. И страх вовсе не делает его слабее.

— Тогда дайте мне хотя бы одну причину, — попросила я.

Он долго смотрел на закрытую дверь спальни.

— Я знаю Ливио не восемь лет. Гораздо дольше. И однажды поверил ему на слово.

— Чем это закончилось?

— Для меня — шрамом. Для других всё закончилось хуже.

Он коснулся повязки. Я не стала требовать подробностей. Если он лгал, я ещё поймаю его на лжи. А если говорил правду, продолжение могло оказаться страшнее, чем мне хотелось слышать.

Из спальни донёсся звон — тонкий, чистый, похожий на удар ногтем по стеклу.

Мы вернулись туда одновременно.

* * *

Второе окно стало настоящим.

Оно не светилось, не дрожало, не висело в воздухе. Обычная деревянная рама, немного облупленная краска, железная щеколда. За стеклом находилась чужая кухня. На столе лежала клетчатая скатерть, рядом стояла жёлтая миска с тёмными яблоками. Над печью сушились пучки трав. В дальнем углу горела лампа с зелёным абажуром.

Я видела всё так отчётливо, будто между мной и той кухней было всего несколько метров. Но за моим настоящим окном находился двор, и сквозь него невозможно было увидеть эту комнату. К тому же вторая рама появилась в несущей стене, за которой, по всем законам архитектуры, должна была находиться спальня соседей.

Виэлла вскочила с кресла.

— Это наш дом!

Она потянулась к стеклу. Этторе поймал её руку прежде, чем пальцы коснулись рамы.

— Не трогай. Ещё рано.

— Но там Адрина!

Кухня по ту сторону была пустой. Только в чашке на столе стояла ложка, а под ней лежала аккуратно сложенная салфетка с вышитой буквой «В».

Мне пришлось отвернуться.

В этой другой жизни для Виэллы нашлись чашка, место за столом, маленькая вышитая буква. Всё, о чём я когда-то мечтала, существовало — только без меня. Пугающе легко было перепутать чужое счастье с собственным поражением.

— Она хорошая мама? — спросила я.

Виэлла посмотрела на меня с подозрением.

— Самая лучшая.

Я кивнула. Мне понадобилось усилие, чтобы не спросить, была ли она лучшей матерью, чем смогла бы стать я.

— Тогда мы должны помочь ей.

Девочка впервые за всё время подошла ко мне сама и взяла за руку.

За стеклом что-то изменилось. Зелёный абажур погас. Потом загорелся снова, но теперь свет от него падал не на стол, а на стену напротив, словно кухня незаметно повернулась.

Этторе достал из кармана складной нож и приложил рукоять к нижнему углу рамы. Металл отозвался глухим стуком.

— Если бы окно было только изображением, оно бы не меняло глубину, — сказал он. — Там настоящая комната. И сейчас её тянет сюда.

— Что будет, если она придёт целиком?

— У нашего дома не останется места для неё.

Я вспомнила кирпичную стену за дверью Лючии. Антонио, отрезанного от жены. Рыбку, мелькнувшую в воде под порогом.

— Тогда надо закрыть окно.

— Оно ещё не открыто. Нам нужно понять, почему именно эта комната откликается на ваше слово.

— Потому что я обещала найти Адрину.

— Это начало ответа. Но связь появилась сразу, как только Виэлла вам поверила. Если оставить её без направления, она будет искать путь сама. И занимать всё больше места.

— Как её направить?

Этторе молчал.

Я вынула из кармана синий карандаш.

Его лицо изменилось.

— Где вы его взяли?

— В нотариальной конторе. Он лежал на полу после того, как улица исчезла.

Виэлла придвинулась ближе.

— Это Адринин, — сказала она. — Она рисует им двери.

Этторе забрал карандаш, осмотрел оба конца и вернул мне.

— Никогда не рисуйте им того, чего не готовы увидеть.

— На нём написано «дом». Что было вторым словом?

— Не знаю.

Я присмотрелась к его лицу. Он не отвёл взгляда. Но с ответом явно поспешил.

На этот раз я не стала спорить.

Под стеклом, точно изнутри, выступил маленький пузырёк воздуха. Он лопнул, оставив влажную точку. Потом ещё одну. По кухне за окном скользнула тень.

Виэлла побледнела.

— Там кто-то есть.

— Где? — спросила я.

Девочка показала на дверь в дальнем конце кухни.

Ручка медленно повернулась. Дверь приоткрылась на ладонь. В проёме не было никого, но с той стороны послышалось дыхание — тяжёлое, близкое к самому стеклу, хотя до двери было не меньше пяти шагов.

Я почувствовала, как Виэлла сжала мою руку до боли.

Дверь открылась шире.

В кухню вошла Адрина.

Я сразу узнала серую юбку и туго собранные волосы. Теперь я могла разглядеть её лицо: усталое, с глубокими тенями под глазами, моложе, чем я ожидала, и слишком испуганное для человека, который наконец вернулся домой.

Она заметила нас.

Её глаза мгновенно нашли Виэллу. Адрина прижала ладонь к губам и зажмурилась. Когда вновь открыла глаза, на щеках блестели слёзы.

— Мама! — закричала девочка.

Губы женщины двигались, но мы не слышали ни слова. Она подошла ближе и приложила руку к стеклу. Виэлла рванулась к ней. Я удержала её, и этот жест показался мне предательством.

Адрина покачала головой, словно просила девочку не подходить.

— Мы вас найдём, — произнесла я громко, надеясь, что она услышит.

Этторе резко обернулся.

— Фьоренца!

Слишком поздно.

Под нашими ногами пол дрогнул. В прихожей с треском отвалилась штукатурка. Глубоко внутри дома протяжно заскрипели балки, будто огромное здание пыталось повернуться лицом к чужой кухне.

Адрина ударила ладонью по стеклу — раз, другой. Её губы отчётливо сложились в одно слово.

«Нет».

Я отступила.

Виэлла заплакала снова. Этторе поддержал раму обеими руками, словно она могла вывалиться на нас целиком.

— Вы ведь уже сказали, что найдёте её, — выдохнул он. — Второе обещание не приблизит вас к Адрине. Оно только сделает дорогу шире.

— Тогда научите меня, как говорить так, чтобы не разрушать дома!

Он взглянул на меня, и я впервые увидела в нём настоящую растерянность.

— Говорите о том, что делаете сейчас. Не обещайте того, чего ещё не можете знать.

Я опустилась перед Виэллой на колени.

— Я здесь, — сказала я. — Я держу тебя за руку. Мы вместе стоим у этого окна.

Девочка всхлипнула. Её пальцы снова нашли мои.

Скрип в стенах стих.

Этторе медленно выдохнул.

— Вот так.

Я не почувствовала себя победительницей. Где-то этажом ниже Лючия ждала мужа за дверью, которая превратилась в кирпичную стену. А женщина по другую сторону окна прижимала к груди обе ладони, словно пыталась удержать в них то, что мы только что почти отняли.

И всё-таки магия отступила. Ненадолго. Но не сама по себе — от нашего выбора.

* * *

Я достала телефон и сделала несколько снимков. Окно осталось на фотографиях. Комната за ним тоже. Мне нужно было хотя бы одно доказательство, которое можно будет показать человеку, не слышавшему всего этого.

Виэлла потянула меня за рукав.

— Можно спросить?

— Конечно.

— Ты сердишься, что у меня уже есть мама?

Вопрос прозвучал так просто, что я едва не ответила поспешно. Я подумала о восьми годах ожидания, о пустой детской, которую мы так и не обставили, о рисунках на обрывках бумаги, спрятанных в коробке из-под обуви. И о Виэлле, которая не просила становиться доказательством моей несчастливой жизни.

— Нет, — сказала я. — Я рада, что тебя кто-то любил все эти годы.

— Правда?

— Правда.

Девочка кивнула, обдумывая услышанное.

— Тогда почему ты плачешь?

Я провела ладонью по щеке. Она была мокрой.

— Потому что я долго думала, что у меня ничего не получилось.

Виэлла не стала спрашивать, что именно. Подошла ближе и на мгновение прислонилась лбом к моему плечу. Потом отступила, будто испугалась, что позволила себе слишком многое.

За окном Адрина всё ещё стояла неподвижно.

И тут она вдруг повернулась к двери.

Её лицо изменилось. Исчезло выражение растерянности. Плечи выпрямились. Она больше не была женщиной, которая умоляла незнакомцев спасти её. Она кого-то ждала.

Этторе заметил перемену раньше меня.

— Виэлла, отойди в гостиную.

— Почему?

— Пожалуйста.

Девочка посмотрела на Адрину, потом на него.

— Она не любит, когда он приходит, — прошептала Виэлла.

— Кто?

Она не успела ответить.

Дверь чужой кухни открылась. На пороге появился Ливио.

На нём было то самое тёмное пальто, в котором он стоял под дождём у перекрёстка. Волосы ещё блестели от влаги. Квадратный ключ висел на цепочке у него на запястье.

Я не понимала, как он успел попасть туда. Не понимала и того, почему не выглядел удивлённым, увидев Адрину живой.

Ливио что-то сказал. Адрина не шелохнулась. Он протянул к ней руку — почти ласково, как когда-то протягивал мне после ссор.

Женщина резко оттолкнула его руку. Схватила за воротник, развернула спиной к стеклу и приставила к его горлу тонкое лезвие, выхваченное из рукава.

Виэлла закрыла глаза.

Я сделала шаг к окну.

— Адрина! Не надо!

Но женщина смотрела не на Ливио.

Она смотрела на меня.

Потом приблизилась к стеклу и медленно, очень чётко произнесла несколько слов. Теперь я сумела прочитать их по губам.

«Я держала его для тебя».

Ливио перестал сопротивляться.

И улыбнулся.

У меня внутри всё похолодело.

За моей спиной Этторе тихо сказал:

— Фьоренца, посмотрите не на нож. Посмотрите на его ключ.

Квадратная головка больше не отражала свет. Она почернела, словно внутри металла застыла сама ночь.

А потом в дверь моей квартиры постучали три раза.

Этторе побледнел.

— Не открывайте, — произнёс он.

Но из прихожей уже раздался голос Ливио:

— Фьоренца, я один. Нам нужно поговорить.

За стеклом он всё ещё стоял с ножом у горла.

Глава 3. Голоса за дверью

В моей спальне Ливио стоял за стеклом чужого окна с ножом у горла.

А из прихожей его голос требовал, чтобы я открыла дверь.

Три удара повторились. Не громкие — терпеливые, будто человек за порогом был уверен, что имеет право войти.

— Фьоренца, — произнёс голос. — Я один. Нам нужно поговорить.

Виэлла перестала плакать. Этторе мгновенно погасил свет.

За вторым окном осталась освещённая зелёной лампой кухня Адрины. Оттуда лился такой обычный жёлтый свет, что происходящее казалось особенно чудовищным. Ливио всё ещё смотрел в нашу сторону. Адрина держала нож неподвижно. Её рука не дрожала.

— Почему вы выключили свет? — прошептала я.

— Чтобы они не видели, куда идти.

— Кто — они?

Этторе не ответил. Вместо этого приложил два пальца к губам и указал на Виэллу. Девочка медленно опустилась на пол рядом с моим креслом. Она так крепко вцепилась в шнурки новых ботинок, что побелели костяшки пальцев.

Из прихожей снова послышалось:

— Ты же знаешь, я никогда не причиню тебе вреда.

Эти слова были произнесены с лёгкой улыбкой. Я слышала её, хотя улыбку невозможно было услышать. Ливио говорил так, когда хотел, чтобы я почувствовала себя глупой за собственный страх.

Я сделала шаг к коридору.

Этторе поймал меня за запястье. Не больно — ровно настолько, чтобы я остановилась.

— Посмотрите в окно, — прошептал он.

В чужой кухне Ливио открыл рот. Я напряглась, пытаясь прочитать слова по губам. Он говорил с Адриной, не с нами. В это самое мгновение из-за входной двери вновь прозвучало:

— Нам нужно поговорить.

Разные слова. Разные движения губ. Один голос.

— Там не человек, — сказала я.

— Тогда не приглашайте его внутрь.

— Я и не собираюсь.

Этторе отпустил мою руку. На коже осталось тепло его пальцев. На мгновение мне захотелось удержать его ладонь, и это разозлило меня.

— А если ему не понадобится приглашение? — спросила я.

— Понадобится. Пока он стучит, дверь ещё ваша.

«Пока» — слово, которое я уже ненавидела.

— А вы? — спросила я.

Этторе нахмурился.

— Что — я?

— За дверью я слышу Ливио. Кого слышите вы?

Он посмотрел не на входную дверь, а на стену позади меня. Там висело круглое зеркало, доставшееся мне от матери. В темноте оно отражало только полосу света из спальни.

— Никого, кому стоит отвечать.

— Это не ответ.

— Знаю.

Я ждала продолжения. Этторе молчал, но его рука уже не лежала спокойно на дверном косяке: большим пальцем он медленно водил по собственному запястью, словно проверял, на месте ли невидимый след.

И тут стук за дверью оборвался на середине ритма. Я услышала голос Ливио совсем близко:

— Ты обещала не оставлять меня там.

Я едва не уронила телефон. Ливио никогда не говорил мне этих слов. Когда мы ссорились, он обвинял меня в упрямстве, холодности, неблагодарности. Но «там»? Где именно?

Этторе застыл. На секунду его лицо стало таким, словно он узнал фразу, которую не имел права слышать.

— Это тоже для меня? — спросила я.

— Не всякий голос обращается к тому, кто его слышит, — сказал он.

За дверью опять зазвучал Ливио, теперь с прежней невозмутимой лаской. Я поняла, что не получу от Этторе объяснения. И впервые подумала: он защищает нас не только от того, что находится за дверью. Он защищает от какой-то правды самого себя.

Я посмотрела на телефон. Экран показывал девятнадцать сорок две. Меньше четырёх часов назад я ещё думала, что самым страшным событием дня станет развод.

— Я запишу это, — сказала я.

Этторе хотел возразить, но остановился.

Я включила диктофон и осторожно приблизилась к коридору. Голос за дверью продолжал говорить. Он повторил моё имя, затем ту же просьбу, потом снова — всё с одинаковой паузой после слова «один».

Я остановила запись и сразу включила воспроизведение.

Звук раздался отчётливо: стук, шорох ткани, мой неровный вдох. Голоса Ливио не было.

Я прибавила громкость. Ничего.

— Он не попал на запись, — произнесла я. — Значит, я слышу то, чего нет?

— Стук есть. Доски двигаются. Но слова появляются между ними и вами, — ответил Этторе. — Не верьте тому, что за дверью звучит особенно убедительно.

— А как отличить правду?

— Спросить, что человек делает сейчас. Ложная дверь умеет подбирать слова к тоске. С настоящим столом, настоящей чашкой и настоящим испугом ей труднее.

Я хотела сказать, что это звучит чудовищно: человеку предлагается проверять любимых, как подозреваемых. Но Этторе, ещё секунду назад собранный, вдруг повернул голову к прихожей и беззвучно пошевелил губами.

Я успела разобрать только два слова: «Не сейчас».

Мне показалось, что он обращается не ко мне и не к Ливио. Я впервые испугалась не того, что Этторе лжёт, а того, насколько отчаянно ему нужно, чтобы я пока ничего не узнала.

— То, что за дверью, не разговаривает с воздухом, — тихо произнёс Этторе. — Оно говорит с тем, кто ждёт ответа.

И в этот момент снизу раздался крик синьоры Лючии.

— Антонио! Я слышу тебя! Сейчас, любимый, я открою!

Этторе побледнел.

— Не позволяйте ей!

Я бросилась к входной двери, но не успела пройти и половины коридора: по наружной стороне замка медленно скользнуло что-то тяжёлое. Металл едва слышно застонал. В щель под дверью втянулся край коврика, словно кто-то снаружи пробовал, хватит ли ему места.

Три новых удара раздались не с площадки, а из самой древесины.

— Фьоренца, — ласково произнёс Ливио. — Ты опять заставляешь меня ждать.

Мне вдруг стало ясно, что я уже слышала эту фразу не только от мужа.

Много лет назад — во сне? В детстве? — кто-то произнёс её в темноте, и рядом с моей кроватью открылся узкий прямоугольник света. Я не могла вспомнить лица. Только собственный страх, такой древний, что он, казалось, жил в моём теле раньше меня.

Я прижала ладонь к обоям. Стена была холодной и чуть влажной, как камень в подвале.

— Не отвечайте ему, — сказал Этторе.

— А если мне нужно узнать, что он такое?

— Это не то же самое, что позволить ему войти.

Виэлла вдруг подняла голову.

— Мне он говорит голосом Адрины.

Я повернулась к ней.

— Что?

— Он зовёт меня домой. Говорит, что испекла булочки с изюмом. Адрина никогда не печёт с изюмом. Я его не люблю.

От этих простых слов холод пробрал меня сильнее, чем от чёрных окон и исчезнувших стен. Девочка сидела в чужой спальне и сопротивлялась не чудовищу с когтями, а самому желанному голосу на свете.

— Мне он говорит голосом Ливио, — сказала я.

— Потому что вы его ждёте, — ответила Виэлла.

— Я не жду его.

— Тогда почему до сих пор узнаёте каждый раз?

Ответить я не сумела.

Этторе медленно опустился перед девочкой.

— А что он говорил Адрине?

— Что вернётся за тем, что оставил. Она всегда закрывала ставни, когда слышала эти слова.

Снизу повторился отчаянный крик Лючии. За дверью моей квартиры голос Ливио внезапно стих. Но ожидание не закончилось. Я чувствовала его за каждой доской пола, будто кто-то огромный прислонил ухо к дому и прислушивался к нашему решению.

Этторе подошёл к двери. Коврик больше не тянуло под неё; замок молчал. Он приоткрыл дверь на цепочку и посмотрел в щель. Площадка была пуста. Теперь я слышала Лючию без преграды — она звала нас с лестницы.

Этторе снял цепочку. Мы вышли, и я заперла за нами дверь.

* * *

Лючия стояла этажом ниже с ключом в руке. Её лицо было мокрым от слёз. На площадке пахло сыростью и известковой пылью. Дверь её квартиры, которую раньше украшал крошечный бронзовый колокольчик, теперь отбрасывала на стены странную узкую тень.

— Он здесь, — сказала соседка, увидев меня. — Антонио зовёт. Он говорит, что у него закончился воздух.

— Вы слышите его собственный голос? — спросил Этторе.

— Чей же ещё?

Он посмотрел на меня. Я поняла раньше, чем он заговорил.

— Лючия, — осторожно сказала я, — что именно он вам сказал?

Она повторила слова мужа. Почти те же, какие сказал Ливио за моей дверью: «Я один. Нам нужно поговорить». Только вместо моего имени было её.

— Он так не говорит, — выдохнула соседка. — Антонио вообще никогда не говорит «нам нужно поговорить». Если он чем-то недоволен, он сначала ставит чайник.

Она медленно опустила ключ.

— Тогда кто меня звал?

Лючия вдруг приблизилась к собственной двери.

— Антонио, — позвала она тихо. — Что у тебя сейчас в руках?

— Лючия, любимая, я один, — немедленно ответили из-за двери. — Открой, нам нужно поговорить.

Она зажмурилась.

— Нет. Антонио не попросил бы меня открыть, не услышав вопроса. Даже когда мы ссоримся, он отвечает на вопрос. Иногда слишком подробно.

Голос попытался повторить её имя. Лючия отошла на два шага и вцепилась в перила.

Я смотрела на пожилую женщину и понимала: только что она отказалась не от обмана, а от последней надежды, которую ей протянули. За такое решение никто не выдаёт медалей. После него остаётся лишь закрытая дверь.

— Не знаю, — призналась я. — Но я слышала другое имя и другой голос. Мы не можем открывать, пока не поймём, что происходит.

Лючия прислонилась к перилам. Ей было около семидесяти. На пальце у неё сидело тонкое обручальное кольцо, истёртое до почти незаметной полоски. Я вдруг представила, сколько раз эти двое расходились по разным комнатам и не думали, что однажды расстояние между кухней и прихожей станет больше целого города.

— Я не могу оставить его там, — произнесла она.

— И я не прошу, — ответила я.

Этторе присел перед дверью. Между деревянным порогом и кирпичной стеной, отрезавшей квартиру, чернела вода. В ней теперь плавал не один белый малёк, а целая стайка. Рыбки двигались кругами, но теней не отбрасывали.

Я хотела спросить, откуда они взялись, когда за кирпичами раздался один короткий удар.

Этторе вздрогнул и поднял голову.

— Это не тот стук, — сказал он.

Вслед за первым ударом раздались два быстрых — и пауза.

Лючия зажала рот ладонью.

— Так Антонио стучит тростью, когда не хочет меня будить. Один раз и два следом. У него суставы болят, он не всегда может позвать громко.

— Спросите его о том, что он видит сейчас, — сказал Этторе. — Не о прошлом. И не о том, что обещает сделать.

Лючия наклонилась к стене.

— Антонио! Что у тебя перед глазами?

Долгое молчание. Потом сквозь кирпичи пробился слабый мужской голос:

— Стол. Нож для хлеба. Твоя синяя чашка… Лючия, дверь исчезла.

Это был не уверенный, ласковый голос с площадки. Голос был хриплым, испуганным, с привычным для Антонио растянутым «ч» в имени жены. Я слышала, как соседка всхлипнула, впервые за вечер поверив собственным ушам.

— Я здесь, — сказала она. — Я стою у стены. Слышишь?

— Слышу. Но здесь ещё одна дверь. Она зовёт меня твоим голосом.

Мы переглянулись.

— Не открывайте её, — сказала я, не обращаясь ни к будущему, ни к обещаниям. — Вы сейчас стоите у стола. Мы сейчас слышим вас через стену.

Под порогом белые рыбки остановились.

Кирпич прямо напротив лица Лючии покрылся тонкой сеткой трещин. Из них потянуло тёплым воздухом и запахом супа с шалфеем.

— Антонио? — позвала она.

— Лючия, — ответил он совсем близко. — Я не знаю, сколько ещё смогу стоять.

Этторе осторожно провёл ладонью по стене, но даже не попытался её ломать.

— Почему вы ничего не делаете? — спросила я.

— Потому что за кирпичами не только он. Если мы сломаем стену силой, она отнимет ещё часть дома.

— Она уже забрала кухню.

— И потому ищет, чем восполнить пустоту.

— Что ей нужно?

Этторе бросил взгляд вверх, к нашему этажу.

— Комната. Настоящая, отданная добровольно. Иначе она выберет комнату сама.

Несколько секунд мы молчали. Внизу хлопнула входная дверь подъезда. Кто-то из спасателей наконец приехал — я различила голоса мужчин, споривших о лестнице и просевшей стене. Их обычная, деловитая речь вызвала у меня острое желание заплакать.

— Моя, — сказала я.

Этторе медленно повернулся.

— Что?

— Возьмите мою комнату. Спальню. Там нет никого, кому будет больно, если она исчезнет.

— Вы не знаете, что предлагаете.

— Тогда объясните. Только быстро.

Он смотрел на меня с таким выражением, будто видел не женщину, только что пережившую развод, а человека, который собирался шагнуть под поезд, чтобы остановить его голыми руками.

— Комнату нельзя вернуть, как кошелёк, забытый в кафе, — сказал он. — Останутся дверь, иногда стены. Всё, что было внутри, уйдёт туда, где пространство оказалось нужнее. Вместе с частью вашего дома.

Я представила кровать, в которой восемь лет ждала Ливио, и кресло у единственного настоящего окна. В том кресле я читала книги, пытаясь не услышать, как он открывает входную дверь слишком поздно. В этой комнате я плакала тихо, чтобы соседи не слышали. Там же однажды наметила карандашом высоту воображаемой колыбели и сразу стёрла линию.

— Пусть, — сказала я.

Виэлла, до сих пор стоявшая за моей спиной, резко схватила меня за рукав.

— Нет!

— Что такое?

— Там окно Адрины. Если ты отдашь комнату, она останется по ту сторону.

Она была права. Я слишком быстро решила, что могу заплатить только своими вещами. У моей комнаты уже была чужая судьба.

— Я должна найти её, — сказала я, и собственные слова отдались болезненным толчком под рёбрами.

— Ты обещала, — прошептала Виэлла.

Я опустилась на корточки, чтобы мы были одного роста.

— Да. Я обещала. И теперь не знаю, как сдержать слово, если Антонио здесь погибнет. Я не хочу снова говорить тебе, что всё будет хорошо. Я не знаю, будет ли.

Девочка отвернулась. Щёки у неё были мокрыми, но она не всхлипнула.

Этторе присел рядом.

— Есть ещё возможность, — сказал он. — Узнать, согласна ли Адрина помочь. Пока мы видим её через окно, можем спросить. Пусть она выберет сама.

— Вы говорите об этом слишком спокойно, — бросила я.

— Я не спокоен. Просто у нас сейчас нет времени, чтобы сделать вид, что выбор легче, чем он есть.

Он поднялся и подал мне руку. Я приняла её. Странно было ощутить уверенную тёплую ладонь человека, которому я не доверяла, в минуту, когда больше не на что было опереться.

* * *

В моей квартире стало холоднее. По мере того как мы поднимались на четвёртый этаж, запах корицы усиливался. На ступенях лежала мелкая белая пыль, будто кто-то только что распилил камень. Из-за моей входной двери уже никто не звал.

От этого она не стала менее страшной.

Я открыла замок, не торопясь. Этторе встал рядом, заслонив меня плечом. Дверь распахнулась в знакомую прихожую. Ничего не двигалось. Коврик лежал на месте, лишь один его угол побелел, словно примерз к полу.

— Оно ушло? — спросила я.

— Оно ждёт, пока мы захотим чего-нибудь настолько сильно, что перестанем различать голоса.

Я посмотрела на Виэллу. Она не сводила глаз с закрытой двери спальни.

— А если я захочу вернуть Адрину, — спросила девочка, — оно тоже придёт?

Этторе медлил.

— Может.

— Тогда я не хочу.

— Не надо отказываться от желаний из-за страха, — вырвалось у меня.

Он повернулся ко мне.

— Она может желать. Но мы должны научить её не открывать дверь тому, что желает притвориться ответом.

Виэлла подумала и кивнула, как ребёнок, которому объяснили сложное правило дорожного движения. Только дорога в данном случае проходила по стенам наших домов.

Я вошла в спальню первой.

Чужая кухня за вторым окном ещё существовала. Адрина отпустила воротник Ливио, но нож держала на виду. Муж стоял у печи, опустив руки. С его лица исчезла улыбка. Он выглядел усталым, почти старым, и меня поразило, как мало мне теперь было его жаль.

Я нашла лист бумаги и чёрным маркером написала крупно:

«АНТОНИО ЗА СТЕНОЙ. ЕМУ НЕ ХВАТАЕТ ВОЗДУХА. ЕСЛИ Я ОТДАМ СВОЮ СПАЛЬНЮ, ЕГО КУХНЯ ВЕРНЁТСЯ?»

Прижала лист к стеклу.

Адрина читала медленно, всматриваясь в каждую строку. Потом повернула голову к Ливио. Тот что-то сказал. Она сделала резкое движение ножом, заставив его замолчать.

Затем взяла с подоконника тряпку и протёрла запотевшее стекло. Подышала на него и вывела пальцем всего три слова:

«КОМНАТА ЗА КОМНАТУ».

У меня подкосились ноги. Это был ответ. Не спасение, но по крайней мере ответ.

— А как? — спросила я вслух, забыв, что она не слышит.

Я вынула из кармана карандаш Адрины — синий, заточенный с обоих концов.

— Не рисуйте ничего нового, — сказал он. — Только границу того, что уже есть. И ни одной линии дальше порога.

— Вы можете просто объяснить, почему эта штука способна помочь?

— Она отмечает, где кончается одно место и начинается другое. Здесь наши стены перестали помнить это сами.

Я посмотрела на карандаш. На потёртом лаке всё так же виднелось слово «дом». Я уже знала, что это не сувенир из чужой жизни. Такой вещью можно было отрезать человека от его семьи.

Адрина снова постучала по стеклу. На этот раз один раз, костяшкой пальца. Она написала ещё:

«ПУСТЬ ЛИВИО ПОЛОЖИТ КЛЮЧ».

Я показала надпись мужу. Он прочёл её и покачал головой.

— Значит, не хочет, — сказала я Этторе.

— Значит, боится.

— Это разные вещи?

— Иногда. Но не сегодня.

Ливио тем временем подошёл к окну вплотную. На долю секунды мне показалось, что он пытается попросить прощения. Он прижал указательный палец к запотевшему стеклу и медленно вывел несколько слов.

«СПРОСИ ЭТТОРЕ, КОГО ОН ВЕРНУЛ».

Я прочла их дважды. Ливио коснулся стекла ещё раз и показал на мужчину рядом со мной. Его лицо впервые за долгие годы не было ни обаятельным, ни надменным. Он выглядел испуганным.

Адрина шагнула между ним и окном. Одним движением ладони стёрла надпись. Она не пыталась ударить Ливио, хотя нож оставался у неё в руке; скорее, не хотела, чтобы я читала дальше.

— Вы видели? — спросила я Этторе.

— Да.

— Кого вы вернули?

Он смотрел на опустевшее стекло.

— Это вопрос, на который нельзя ответить одним именем.

— А двумя?

Этторе впервые за всё время не нашёлся с ответом. Мне захотелось ударить кулаком по стене. Каждый из них, включая Адрину, знал о моей жизни больше, чем я сама, и каждый решал, какую часть мне позволено узнать.

Я взяла лист с вопросом об Антонио, перевернула и написала: «Я ОТДАЮ КОМНАТУ РАДИ АНТОНИО. НЕ РАДИ ВАС».

Прижала его к стеклу так, чтобы прочли оба — Адрина и Ливио. Затем повернулась к Этторе.

— И вы это тоже запомните. Я не верю ни одному из вас. Но за стеной есть человек, которому нечем дышать.

Этторе опустил глаза.

— Я запомню.

Это не было примирением. Но решение снова принадлежало мне.

Я взяла ещё один лист:

«ЛИВИО. ЭТО Я РЕШАЮ. ПОЛОЖИ КЛЮЧ».

Сначала он не пошевелился. Потом посмотрел на Адрину — так, словно именно она была человеком, способным ему приказывать. Медленно снял с запястья цепочку с квадратным ключом и положил на стол.

Чёрная головка коснулась скатерти.

В то же мгновение у нас в комнате что-то тяжело опустилось. Не предмет. Тишина. Дом будто перестал тянуться к несуществующей двери и впервые прислушался к той, которую собирались отдать ему мы.

Адрина отложила нож.

Виэлла бросилась к окну, но остановилась в шаге. Не коснулась стекла.

— Мама, — прошептала она. — Я здесь.

Адрина приложила ладонь с другой стороны и улыбнулась. Не радостно. Так улыбаются, когда ребёнок вернулся живым и больше ничего в мире не имеет значения.

Я хотела отвернуться, чтобы не подглядывать за их встречей. Но вдруг поняла: это может быть последняя возможность для Виэллы увидеть её.

— Можешь поговорить с ней, — сказала я девочке. — Она не слышит, но видит твоё лицо.

— Если я скажу, что люблю её, это тоже станет обещанием?

Голос у Виэллы дрогнул.

— Нет, — ответил Этторе. — Любовь — это не обещание будущего. Это правда о том, что с тобой происходит сейчас.

Девочка прижала ладонь к своей груди.

— Я люблю тебя, мама.

Адрина прочитала слова по губам. И повторила их.

Потом Адрина быстро произнесла ещё несколько фраз. Теперь её взгляд был обращён только к Виэлле. Девочка напряглась, как будто услышала нечто страшнее прощания. Её пальцы машинально коснулись шнурка на ботинке.

— Что она сказала? — спросила я.

— Чтобы я держалась подальше от двери.

— И всё?

— Она сказала, что ты умеешь принимать решения сама, — добавила Виэлла.

Похоже, это тоже было правдой. Но не всей. Я слишком хорошо знала выражение лица человека, который старается не произнести одну-единственную фразу. За восемь лет брака я выучила его до мелочей.

Мне захотелось расспросить девочку. Я не стала. Виэлла только что попрощалась с женщиной, которая вырастила её. Не ей было сейчас отвечать за тайны взрослых.

У меня защипало глаза. Я отвернулась к настоящему окну. За стеклом были мокрые мусорные баки, провисшие бельевые верёвки и облупленный балкон напротив. Я никогда ещё не была так благодарна за право видеть самые обыкновенные вещи.

— Нам пора, — сказал Этторе.

Я взглянула на комнату.

Здесь оставалось восемь лет моей жизни. Платье, в котором я вернулась из свадебного путешествия. Книги с закладками, вложенными в них в ту пору, когда я верила, что у нас впереди бесконечно много вечеров. Небольшая шкатулка, где хранились билеты и фотографии. На стене — светлая полоса от картины, которую Ливио увёз при переезде.

Раньше я боялась потерять эти вещи, потому что они доказывали: всё хорошее в нашем браке было настоящим хотя бы когда-то.

Теперь я стояла среди них и понимала, что настоящее — не то же самое, что вечное.

— Дайте мне минуту, — сказала я.

Я взяла со стола фотографию матери. На ней она стояла у моря, ещё молодая, смеющаяся, с выбившейся из причёски прядью. Снимок лежал в этой комнате задолго до Ливио. Его я забрала.

Потом вынула из верхнего ящика шкатулку, открыла и увидела на самом дне маленький листок в клетку. Почерк был мой, несомненно. Несколько торопливых строк, написанных синим карандашом.

«Если когда-нибудь снова появится второе окно, не проси его остаться. Оно всегда берёт больше, чем ты согласилась отдать».

Я перечитала записку два раза.

— Этторе.

Он стоял у двери.

— Это написала я?

Этторе взглянул на листок. Лицо его не изменилось, и именно это испугало меня.

— Похоже на ваш почерк.

— Не играйте словами. Вы знаете, когда я это написала?

— Сейчас у нас есть другая задача.

— Вы всегда уходите от ответа, когда он касается меня.

Он подошёл ближе. Я снова заметила серо-зелёный цвет его глаз, тонкую усталость возле рта, неровный край бинта у воротника. На расстоянии вытянутой руки он казался совсем не тем человеком, который спокойно объяснял, как отдать спальню чужому городу. Он казался человеком, который слишком хорошо помнит цену.

— Я отвечу, — произнёс он. — Но если мы останемся здесь ещё на пять минут, отвечать будет некому.

Я спрятала записку в карман, закрыла шкатулку и поставила её на комод.

— И это, по-вашему, честно?

— Нет.

Неожиданный ответ заставил меня замолчать.

— И всё же идёмте, Фьоренца.

Он не притронулся ко мне. Только отступил, освобождая дорогу. В этой сдержанности было больше близости, чем в десятках прикосновений Ливио, которыми тот когда-то заменял разговоры.

Я подошла к порогу и обернулась.

Адрина стояла за вторым окном, держа Виэллу в поле зрения. Ливио сидел у стола, ладони его лежали рядом с квадратным ключом. Теперь я видела, что Адрина не собиралась убивать его. Она удерживала его там, где он не мог снова незаметно повернуть ключ.

Я подняла лист бумаги:

«Я ПОПРОБУЮ ВЕРНУТЬ АНТОНИО. Я НЕ ЗАБУДУ О ВАС».

Последнюю фразу я перечеркнула. Я не могла знать, что будет со мной через час. Написала вместо неё:

«Я ВИЖУ ВАС СЕЙЧАС».

Адрина кивнула.

Я крепче сжала карандаш и провела линию вдоль внутренней стороны дверного проёма — от верхнего левого угла к полу, по старому порогу и вверх по правому косяку. Не замкнула её до конца.

Синяя черта легла неровно. Никаких искр. Никакого мерцания. Только царапанье грифеля по дереву.

— Последнюю линию нужно провести снаружи, — сказал Этторе. — Когда все выйдут.

— А если я передумаю?

Он посмотрел на меня долгим взглядом.

— Тогда не проводите.

Мы вышли. Виэлла остановилась между мной и дверным проёмом. Глядя на неё, я вдруг поняла, какую страшную вещь отбираю у ребёнка: не только возможность увидеть Адрину, но и единственное доказательство того, что её прежний дом был настоящим.

— Ты можешь сердиться на меня, — сказала я ей.

— Уже сержусь.

— Знаю.

— Но Антонио умрёт, если мы ничего не сделаем?

— Возможно.

Она молчала. Потом расправила маленькие плечи.

— Адрина научила меня, что нельзя оставлять человека за дверью, если знаешь, что он там.

Я присела и обняла её. Девочка не ответила на объятие, но и не оттолкнула.

— Я не говорю, что прощу тебя, — прошептала она.

— И не должна.

Когда я выпрямилась, Этторе уже стоял у стены. Его пальцы были в белой пыли, губы сжаты. Бинт на шее снова намок от крови. Не знаю, в какой момент этот человек успел стать для меня тем, на чьё лицо я смотрела в поисках уверенности. Меня напугало это сильнее, чем мне хотелось признать.

Я перехватила карандаш удобнее.

— Эта комната моя, — произнесла я. — Я сейчас отдаю её место, чтобы вернуть Антонио туда, откуда он исчез.

Затем замкнула синюю линию.

Сначала не произошло ничего.

Потом дверная ручка повернулась сама.

Из комнаты донёсся звук переворачиваемых страниц. Один за другим зашелестели листы моих книг. Щёлкнула крышка шкатулки. Зазвенела вешалка в шкафу. Всё, что я оставила, продолжало жить своей последней минутой без меня.

Дверь медленно втянулась в стену — не захлопнулась, а стала дальше. Сначала на сантиметр. Затем на два. Я видела собственную кровать за порогом, но пол тянулся к ней всё длиннее и длиннее. На потолке открылись полосы чужого кирпича. В глубине комнаты показался кусочек дождливой улицы, которую я видела в нотариальной конторе.

И тогда я заметила вторую синюю черту.

Она проступила на внутреннем откосе, прямо под свежей линией, которую только что оставил мой карандаш. Старый след был почти чёрным. Его закрывали несколько слоёв краски, и теперь, когда стены вытягивались, тонкие полосы штукатурки осыпались одна за другой.

Старая черта повторяла ту же границу. До миллиметра.

Я не успела даже испугаться этого открытия. Этторе увидел след одновременно со мной и резко шагнул вперёд.

— Не подходите к ней, — сказал он.

— Она была здесь раньше нас?

Он не ответил. Синий след уходил под наличник, туда, где прежде стояла моя кровать. Восьми лет брака было достаточно, чтобы заменить обои, перекрасить двери, переставить мебель. Но я впервые подумала, что эта комната могла пережить нечто, о чём никто не сказал мне ни слова.

Виэлла вскрикнула.

За вторым окном Адрина подняла руку. Я успела увидеть, как она повернулась к дочери, открыла рот и что-то сказала — возможно, попрощалась, возможно, велела быть смелой.

Затем окно отдалилось вместе со всей комнатой.

Ливио резко вскочил. Схватил квадратный ключ, но Адрина перехватила его запястье. В последний момент он повернул голову ко мне. Сквозь растущее расстояние я прочитала по губам только два слова:

«Ты опять…»

Дверь превратилась в узкую тёмную щель. Щель затянулась штукатуркой. На её месте осталась ровная стена, тёплая на ощупь, как будто за ней проходила отопительная труба.

Исчезла не только спальня. Из моей квартиры пропал и участок коридора перед ней. Наши шаги вдруг стали звучать иначе — дом как будто укоротил собственный вдох.

И тогда снизу раздался крик.

* * *

Лючия звала мужа по имени.

Мы сбежали на третий этаж. У двери её квартиры уже стояли двое пожарных в касках. Один держал фонарь, второй говорил по рации. Он осёкся, когда кирпичная стена перед ними начала светлеть, становиться прозрачной — не от магического сияния, а словно кто-то постепенно смывал с неё толстый слой грязи.

За ней проступила кухня.

Сначала клетчатая скатерть. Потом стол, кресло, шкаф с посудой. На полу лежала трость Антонио. Рядом с ней, в нелепой домашней рубашке и тапочках, сидел сам Антонио. Он хватал ртом воздух и не мог подняться.

Лючия бросилась к нему прежде, чем кто-либо успел её остановить.

Пожарный успел подхватить мужчину под руки. Второй отступил на шаг и потряс фонарь, словно решил, что тот показывает ему неправильную картину. По рации кто-то несколько раз потребовал повторить сообщение.

Я осталась на пороге. Впервые за весь день невозможное принесло не новую потерю, а возвращение.

Антонио закашлялся. Лючия прижала ладони к его лицу и стала выговаривать ему какие-то сердитые слова сквозь слёзы. Он улыбнулся ей той усталой, почти детской улыбкой, которой улыбаются люди, не верившие, что их ещё увидят.

— Дай я сначала подышу, — прохрипел он. — Потом можешь ругать сколько захочешь.

Лючия рассмеялась и заплакала одновременно.

Я смотрела на них и не могла отвести глаз.

За моей спиной Этторе тяжело прислонился к стене.

— Сработало, — сказала я.

— Да.

— Вы сомневались?

— Я надеялся, что не придётся проверять.

Я обернулась. Под воротником его рубашки проступало тёмное пятно. Он заметил мой взгляд и попытался выпрямиться, но не успел.

Я подхватила его под локоть.

— Садитесь.

— Со мной всё в порядке.

— Вы требуете от меня говорить только правду, а сами не можете произнести ни одного честного предложения о своём состоянии.

Он едва заметно улыбнулся и всё-таки сел на ступеньку.

Пожарные занялись Антонио. Слышались вопросы о самочувствии, звонок медикам, требование всем покинуть опасную часть здания. Я понимала, что объяснений будут требовать и от нас, но сейчас мне было важнее другое.

— Вы уже теряли комнату? — спросила я Этторе.

Улыбка исчезла.

— Да.

— И в ней кто-то был?

Он долго смотрел на собственные ладони.

— Был.

— Он умер?

— Я не знаю.

— Как можно не знать?

— Можно знать, что человек остался за дверью, — произнёс Этторе, — и не иметь права утверждать, что знаешь, чем закончилась его жизнь.

— Вы это говорите так, будто речь не о другом человеке.

Он обхватил запястье, на котором я только сейчас разглядела тонкий белёсый шрам, и промолчал. Я не стала задавать следующий вопрос. Было страшно, что он наконец ответит.

Этого молчания хватило, чтобы между нами снова выросло расстояние.

Я знала, что он спас меня в нотариальной конторе. Знала, что не бросил Виэллу, хотя имел возможность уйти. Знала, что сейчас помог вернуть Антонио. И теперь узнала ещё кое-что: был момент, когда он сам позволил комнате исчезнуть вместе с человеком.

— Я не стану говорить, что понимаю, — сказала я.

— И не надо.

Он поднял голову. Его взгляд был тяжёлым, почти невыносимо открытым.

— Но если однажды вы захотите услышать, что произошло, я расскажу. Без просьбы простить меня.

Я почувствовала, как сжимается горло. Мне хотелось прикоснуться к его лицу, убрать мокрую прядь волос со лба, наконец перестать видеть в нём одни загадки. Вместо этого я опустила руки.

— Тогда сначала останьтесь в живых, — сказала я и тут же поправилась: — Простите. Сначала дайте осмотреть вашу рану врачу.

Он заметил исправление. И кивнул.

Мы посидели рядом всего несколько секунд. Наши плечи не соприкасались, но я остро чувствовала тепло его тела. Я ещё не была готова ему довериться. И всё же впервые за долгое время мне захотелось, чтобы мужчина рядом не исчез, когда разговор станет трудным.

С верхнего этажа донёсся звук открывающейся двери.

Я подняла голову.

— Там никого нет, — сказала Виэлла.

Девочка стояла у перил, прижимая к груди мой шарф.

— Фьоренца, — повторила она, — в твоей спальне больше никого нет. Я проверила.

Этторе резко поднялся, хотя я пыталась его удержать.

— Где ты была?

— Я не входила. Только смотрела на стену. Она была пустая.

— Тогда кто открыл дверь? — спросила я.

Мы поднялись на четвёртый этаж и вернулись в квартиру.

Стена на месте моей спальни оставалась гладкой. Только на уровне моих глаз появилась маленькая прямоугольная ниша — не глубже ладони. В ней лежала шкатулка, которую я оставила на комоде.

Я узнала её сразу: потёртое дерево, латунная петля, крошечная царапина у замка. Шкатулка не должна была вернуться. Она ушла вместе с комнатой, и я это видела.

— Не трогайте, — сказал Этторе.

— Подожди, — неожиданно попросила Виэлла.

Она стояла у входной двери. От прежней решимости на её лице ничего не осталось.

— Ты ведь спрашивала, что Адрина сказала мне у окна? — произнесла девочка.

Я кивнула.

— Она велела, если что-нибудь вернётся из отданной комнаты, сначала посмотреть, для кого это вернулось. И никому не отдавать, пока ты сама не прочтёшь.

Этторе не пошевелился.

— Значит, Адрина ожидала, что шкатулка появится? — спросила я.

— Она сказала: «Некоторые вещи возвращаются не домой, а за ответом».

Я посмотрела на Этторе.

— Вы знали об этом?

— Я знал, что иногда возвращаются вещи. Не знал — какие.

Он говорил осторожно, выбирая только те слова, которые мог произнести без прямой лжи. Я вдруг поняла, как легко человек может быть честным в каждом предложении и всё равно скрывать главное.

— Тогда отойдите, — сказала я. — Шкатулку я открою сама.

Этторе отступил. Мне понадобилось всё моё упрямство, чтобы не принять этот жест за доказательство его невиновности.

Я протянула руку к шкатулке, но крышка уже приподнялась сама.

Внутри вместо писем и билетов лежал единственный лист бумаги. Такой же клетчатый, как записка в моём кармане. По краю листа шла синяя полоса от карандаша, заточенного с обоих концов.

Я прочитала первые слова.

«Фьоренца. Если ты получила это письмо, значит, снова отдала комнату».

Внизу стояла дата — день нашей свадьбы с Ливио. Восемь лет назад.

Под датой — моя подпись.

Я подняла письмо ближе к тусклому свету. Старая синяя черта на исчезнувшем дверном откосе вдруг обрела смысл. Кто-то уже проводил такую линию. Кто-то уже отдал эту комнату, а затем каким-то образом получил её обратно.

Мне хотелось спросить у Этторе, кто это сделал. Но сначала я должна была дочитать письмо, написанное моей рукой в день свадьбы, о событиях, которых я не помнила. Я не собиралась снова просить мужчину решать за меня, сколько правды я выдержу.

И последняя строка:

«В прошлый раз внутри остался Этторе».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.